

МИМОЗА, МОРЕ И МАНДАРИНЫ, ИЛИ ОДИН ГОД ИЗ ЖИЗНИ РОССИЙСКО-АБХАЗСКОЙ ГРАНИЦЫ

Ольга Ткач

Ольга Александровна Ткач. Адрес для переписки: Центр независимых социологических исследований. 191040, Санкт-Петербург, Лиговский проспект, 87, офис 301. tkach@indepsores.spb.ru.

Граница нужна для того, чтобы не перепутать нации.

У нас, например, стоит пограничник и твердо знает, что граница — это не фикция и не эмблема, потому что по одну сторону границы говорят на русском и больше пьют, а по другую — меньше пьют и говорят на нерусском... А там? Какие там могут быть границы, если все одинаково пьют и все говорят не по-русски? Там, может быть, и рады куда-нибудь поставить пограничника, да просто некуда поставить. Вот и шляются там пограничники без всякого дела, тоскуют и просят прикурить...

Венедикт Ерофеев. Москва-Петушки

Мост, ты как страсть:

Условность: сплошное между.

Марина Цветаева. Поэма конца

«Самиздатовская» карта, которую нам удалось купить в Гагре, представляет Абхазию как остров или даже континент с едва угадываемыми контурами и начисто отсутствующим окружением. Бескрайняя и ничем не ограниченная — пожалуй, только так и могла бы выглядеть карта «страны души». Глядя на этот «оазис в пустыне», я вспоминала реплики людей, живущих по другую сторону российско-абхазской границы, в поселке Веселое: «[до войны] ни про каких абхазов никто никогда не слышал»; «а там нет ничего»; «да что там делать?»; «у меня там никого нет». Вероятно, подобные стратегии взаимного игнорирования жителей приграничных сообществ имеют разные источники. Для Абхазии «островное» картографирование — одна из составляющих национальной концепции независимости. Жители Веселого, в свою очередь, демонстрируют, что центрами притяжения для них являются Адлер и Сочи (именно туда многие переезжают, продавая дома в поселке), а вовсе не Гагра или Сухум. Однако нежелание замечать соседа — это лишь еще одно напоминание о нем.

Российско-абхазская граница, какой нам довелось ее увидеть, похожа на тонированное стекло, в зависимости от угла зрения пропускающее или задерживающее информационные, людские, товарные и денежные потоки. Она работает круглый год, двадцать четыре часа в сутки, постоянно преобразуясь, ужесточая или ослабляя правила прохождения, обрастая инфраструктурой, формируя новые профессиональные среды и меняя пространственное устройство. Но даже в этих, на первый взгляд, неупорядоченности и хаосе есть место повторяющимся из года в год кампаниям, которые создают сезонность в работе границы и жизни приграничья. В такие периоды приграничье как транзитная зона, а следовательно, и заграничные соседи, становятся особенно видимыми, значимыми в повседневности обеих сторон.

«Формулу» сезонности жизни (у) российско-абхазской границы я смогла вывести после разговора с Татьяной, нашей квартирной хозяйкой в Гагре. Она описала нам основные виды занятий, приносящих относительно стабильный ежегодный доход ее землякам: «февраль-март — все собирают и тоннами везут в Россию мимозу, которая здесь просто растет дикая вдоль дорог; с апреля уже начинают готовиться к приезду отдыхающих, первые приезжают уже в мае и до октября; а в ноябре-декабре — созревают хурма и мандарины». Жизнь по обеим сторонам границы круглогодично организуется по этому негласному расписанию, что особенно актуально для тех, кто непосредственно вовлечен в его создание, от таксистов до пограничников. Стараниями этих людей периоды ажиотажа на границе воспринимаются как проявления «естественного» порядка вещей, которому будто бы «подчиняются» даже природные процессы. В дни похолодания и непрекращающихся ливней местные жители уверяли нас, что, как только в горах выпадет снег, обязательно должно потеплеть, так как еще не собран урожай хурмы, мандаринов и фасоли. В этом тексте я попытаюсь реконструировать, насколько это возможно (учитывая краткосрочность поездки и скудость собранного материала), ежегодные волны интенсификации трансграничных практик, а также наметить возможные темы для дальнейшего исследования российско-абхазского приграничья.

ПЕРВАЯ ВОЛНА: ТРАНСГРАНИЧНАЯ КУРОРТНАЯ ЗОНА

Первое, что мне довелось услышать от дочери нашей хозяйки в Веселом: «Сейчас мы уже потихонечку “отмираем”: приезжих мало». Курортное приграничье расцветает в период отпусков. С весны до осени представители сообществ по обе стороны границы ориентированы на постоянный приток отдыхающих из российских городов. Конвенциональная категория «отдыхающий», будучи более востребованной на абхазской стороне, является достаточно важной в структурировании жизни обоих приграничных сообществ.

Во-первых, заимствуя этот советский санаторно-курортный термин, подразумевающий все «прелести» «цивилизованного» отдыха (отдельный номер, режим дня, лечебные процедуры и прочее), так называемый частный сектор превращается в неформальный рынок сервиса для приезжих. Как правило, это означает всеобщую открытость местных жителей и постоянную готовность принять у себя дома

постояльцев. Например, тачкистка¹ из Леселизде², с которой я познакомилась на границе, а позже случайно встретила ее, переезжая из Веселого в Жоэнварское ущелье, долго сокрушалась о том, что мы останавливаемся не у нее. Практически все наши знакомства с обеих сторон: в магазинах, киосках, на Казачьем рынке³, не говоря уже о Гагре, — заканчивались приглашениями местных жителей поселиться в следующем году именно у них, обменом координатами и просьбами сообщать их адреса нашим друзьям, собирающимся на юг. Установление контактов с потенциальными отдыхающими является своего рода гарантией перспективности, стабильности и безопасности в работе домашнего «санатория». Конкуренция за постояльцев (сразу вспоминается, как молниеносно нашу группу «разобрали по домам» на центральной улице в Гагре), а также соотношение спроса и предложения на временное жилье регулируются в рамках родственных или приятельских сетей, которые, как правило, концентрируются в одном районе. Сдавая свою комнату, наши знакомые одновременно рекламировали нам еще несколько «своих» адресов и в зависимости от принадлежности к районному «клану» по-разному оценивали преимущества или неудобства проживания в «частном секторе» и многоквартирных домах.

Кроме того, постоянная готовность предоставить жилье постояльцам предполагает гибкость в переустройстве домашнего пространства. Квартиры и дома, рассчитанные на прием отдыхающих, похожи на шкатулки с сюрпризами: из шкафов достается постельное белье; с чердаков снимаются дополнительные спальные места, сборка которых занимает считанные минуты; обычно нежилые веранды, лоджии и балконы оказываются вполне пригодными для обитания: в зависимости от обстоятельств там живут либо хозяева, либо «гости». Однако сколь легко переоборудуется дом, столь же ревностно сохраняются и воспроизводятся привычные правила жизни в нем. Оказываясь в приватном пространстве, обжитом хозяевами, где во дворе сохнет нижнее белье домочадцев, на стенах в гостиной висят портреты погибшего мужа, а ко сну положено отходить в девять вечера, абстрактный «отдыхающий» на время становится членом домохозяйства⁴, он вынужден вписываться в его жизненный мир и следовать его привычкам. Таким образом, принци-

-
- 1 Тачкисты — одна из профессиональных групп, образующих неформальную инфраструктуру российско-абхазского приграничья. Тачкистами называют людей, которые за деньги перевозят на тачках через границу грузы большого объема. В период вооруженного грузино-абхазского конфликта, когда граница была закрыта для мужчин, тачкистками работали в основном женщины. В настоящее время этот вид деятельности доступен для любого жителя приграничья. Нам даже встречались тачкисты, приехавшие подработать на границу из других областей.
 - 2 Приграничный поселок на абхазской стороне.
 - 3 Продуктовый и вещевой рынок, расположенный в поселке Веселое непосредственно у границы.
 - 4 Нам рассказывали, что на некоторых абхазских курортах у местных жителей принято проходить со своими постояльцами по городу или поселку, представляя их окружающим как своих гостей. Эта «инициация», символическое введение в семью, необходима для обеспечения безопасности отдыхающих.

пы моральной экономики являются важными, если не определяющими, во взаимодействии отдыхающего и сдающего жилье.

Во-вторых, в условиях курортного приграничья категория «отдыхающий», на мой взгляд, наделяется этническим смыслом. Продащица газет на центральном рынке в Гагре сетовала: «Наши, дураки, ничего не хотят покупать, кроме сканвордов и анекдотов, а отдыхающие умные, они всем интересуются, и местные газеты читают, и всякие. А наши как были козоебами, так козоебами и остались». Образ отдыхающего — неизменно положительный и противопоставленный образу «не развитого абхаза» — связывается с высокой культурой и интеллигентностью. Вместе с тем в представлениях жителей приграничья вряд ли существует «идеальный тип» отдыхающего, они не просто описывают, но и стратифицируют постояльцев с учетом их региональной⁵ или этнической принадлежности. Для упомянутой уже дочери нашей хозяйки в Веселом маркером наступления бархатного сезона является приезд определенной группы отдыхающих: «Самые богатые приезжают в августе. Это евреи. Я их сразу отличаю, их сразу видно. Они пожилые, обычно с молодыми женами и маленькими детьми».

Что привлекает этих «богачей» в Веселом? Местные жители объясняют такое предпочтение отдыхающих тем, что у поселка есть серьезные преимущества перед крупными курортными городами: здесь тихо и спокойно, очень хороший пляж, да и до Адлера, при желании, рукой подать. Так пресловутая пятикилометровая зона⁶ оказывается вполне легитимным и даже привилегированным курортным пространством. Встретившийся нам однажды в кафе пограничник, узнав откуда мы, поинтересовался целью нашего пребывания в Веселом и лишь удивился, что мы поздно приехали. «Погода-то уже плохая!» — посочувствовал он нам.

Другие приезжие жизни в российском приграничье предпочитают отдых за его пределами: в абхазских городах и поселках. На примере Гагры мы смогли получить некоторое представление о его специфике. С точки зрения «цивилизованного» отдыха, Гагра, пожалуй, не самое заманчивое для туристов место: необходи-

5 Региональная принадлежность отдыхающего становится особенно важной, если рассказчик стремится продемонстрировать свою связь с тем или иным городом: в Ростове учится дочь, в Питере живет сестра, в Пензе когда-то жили с семьей и так далее.

6 Согласно закону «О государственной границе Российской Федерации», для нахождения и осуществления разного рода деятельности, в том числе исследовательской, на территории пятикилометровой зоны от государственной границы требуется специальное официальное разрешение.

Пограничная зона устанавливается в пределах территории поселений и межселенных территорий, прилегающих к государственной границе на суше, по морскому побережью Российской Федерации, российским берегам пограничных рек, озер и иных водоемов и в пределах территорий островов на указанных водоемах. В пограничную зону по предложениям органов местного самоуправления поселений могут не включаться отдельные территории населенных пунктов поселений и санаториев, домов отдыха, других оздоровительных учреждений, учреждений (объектов) культуры, а также места массового отдыха, активного водопользования, отправления религиозных обрядов и иные места традиционного массового пребывания граждан. На въездах в пограничную зону устанавливаются предупреждающие знаки.

мая инфраструктура (банки, лечебницы и прочее) большей частью находятся на российской стороне⁷. Некий заезжий студент-социолог, изучавший «современное состояние туризма в Абхазии» и распространявший свои анкеты в интернет-кафе, на вопрос «Что Вас привлекает в Абхазии?» предлагал три (не оставляя других) варианта ответа: «природа», «исторические достопримечательности» и «низкие цены». Это конвенциональные «бонусы» отдыха в Абхазии. Они вневременные и не требуют дополнительных инвестиций. О красотах тамошней природы и редкостных достопримечательностях говорят и на российской стороне, даже те, кто не хочет «замечать» Абхазию или считает ее опасной⁸.

Туристический бум лета 2004 года⁹ вполне объясним, с точки зрения гагринцев, отстаивающих уникальность своего города и окружающего природного ландшафта и пророчащих радужное будущее абхазского туризма. Тем более «отсталой» и нецивилизованной признается граница, чья невысокая пропускная способность скорее напоминает кордон, труднопреодолимое препятствие для отдыхающих. Рассказывает Татьяна, наша квартирная хозяйка в Гагре:

Сейчас еще мало народу. А так они стоят под палящим солнцем. Я просто поражаюсь тому героизму и рвению отдыхающих, которые хотят именно в Абхазии отдыхать. Я восхищаюсь этими людьми, которые выдерживают эту очередь на границе. Там дети с ними, дети плачут, просят воду, и вот они стоят с ними и хотят именно в Абхазию. Не знаю, может, они говорят, что у нас и пляжи лучше, и воздух лучше, и цены приемлемее. Люди стоят и стоят. Часами, часами. Количество людей, которые сюда хотят ехать летом, очень большое, граница его просто не выдерживает.

Переход через границу становится вынужденным испытанием, заставляющим еще острее ощутить удовольствие от отдыха как заслуженной награды за выносливость и настойчивость:

Но вот только они перейдут границу сюда — все, пошли на море, искупались, пришли — все. Все неприятности, которые были связаны с границей, у них все буквально улетучивается. Только пришли, сумки ставят и бегут через дорогу на море: «Ааааа, граница? Да ерунда эта граница!».

На российской стороне отношение к Абхазии как к природному пространству

-
- 7 Тексты рекламы немногочисленных абхазских турфирм скорее напоминают частные объявления на заборах: «Адреса представителей ООО “Мегатур-Гагра”: “Цандрыпш, ул. Железнодорожная 12, район ж/д вокзала, за бараками, вдоль железной дороги, зеленая калитка. Цапова Наталья Макачевна”» (Лылов 2005: 46).
- 8 Аптекарьша в Веселом не то воодушевляла, не то предостерегала нас: «Там (в Абхазии) красиво, надо ехать: озеро Рица, Новый Афон. Только золото снимайте и много денег с собой не берите, там сильно воруют, всякое может быть».
- 9 По свидетельствам местных жителей, наплыв туристов в Абхазию увеличивается с каждым годом. Лето 2004 года описывалось как самое «урожайное» на отдыхающих со времени окончания вооруженного конфликта.

обосновывается в том числе с привлечением этнических стереотипов: «абхазы очень дикие, по сравнению с грузинами — особенно». «Нецивилизованные» абхазы платят своим заграничным конкурентам по курортному бизнесу той же монетой, описывая «заезженные» российские города как «некультурные» и неинтересные для отдыхающих:

Ну, вот, в Сочи там, в Адлере, в принципе, ну, что там смотреть? Люди хотят посмотреть озеро Рица, Новоафонский монастырь, очень знаменитый, обезьяний питомник, водопад, Голубое озеро, пещеры. Очень много красивых мест, от которых получаешь большое удовольствие.

Так в рассказах возникает другой тип отдыхающего — турист из России, приезжающий на экскурсионном автобусе и желающий получить экзотический бонус к предсказуемому скучному сочинскому отдыху. Переезд через границу также входит в этот нестандартный набор:

И вот они там стоят часами, эти автобусы, на жаре. Все недовольства высказываются экскурсоводу. И вот они переезжают границу, они все это забывают, настолько они получают кучу впечатлений, которые выталкивают те, которые они получили на этой приграничной полосе.

Неявную конкуренцию официальным российским автобусным маршрутам составляют экскурсии, которые способен организовать любой житель Гагры¹⁰. Снимая временное жилье, турист получает дополнительные услуги в виде эксклюзивных поездок с местными проводниками, куда «больше никто не возит», продажи «настоящей» чачи, которую «делают только в горах, и мы точно знаем кто» и так далее. У отдыхающего в Гагре многогранный статус: постояльца, заключившего неформальный экономический контракт, гостя, живущего в обжитом личном пространстве дома и подчиняющегося его правилам, путешественника, открывающего «новую» (послевоенную) страну.

В современной Абхазии память о войне, коммеморативные инициативы являются не только важной составляющей нациестроительства. Они, как ни странно, котируются и на внешнем, туристическом рынке. Места, окутанные «романтикой битв», привлекают любителей так называемого экстремального, «темного» туризма (dark tourism, disaster tourism). Помимо моря, достопримечательностей и дешевизны, военное прошлое делает Абхазию «опасным», но манящим пространством, «новой» заграницей. Молодая пара из Петербурга, которую мы встретили в Гагре, смогла «вырваться на пять дней просто посмотреть. Решили, что надо съездить, а то мало ли, закроют завтра границу, и все». Сегодняшнее пограничное состояние («мы находимся в состоянии ни мира и ни войны»; «мы в состоянии войны, вдруг что...»), — говорят местные жители) и «героическое» прошлое стра-

10 Наши разговоры о том, куда съездить и что сфотографировать, постоянно подвергались экспертизе местных жителей, рекомендовавших общепринятые маршруты по «красивым» местам.

ны интегрируются в повседневную мемориальную культуру, которая имплицитно оказывается составляющей курортного эксклюзива¹¹.

Отдыхающие указывают еще на одно отличие отдыха в Абхазии: «В Гаграх гораздо тише, чем в Сочи, и не так многолюдно. Там просто нет покоя. И еще здесь море теплее, чем в Сочи». Возможно, в октябре Гагру уже можно назвать местом уединения. Двамя месяцами раньше сцену конкуренции за постояльцев трудно было бы себе представить. В бархатный сезон спрос на жилье многократно превышает предложение. Татьяна рассказывала нам, как в период наплыва отдыхающих не раз просыпалась утром от криков под окнами: «Возьмите нас, мы хорошие»; так приехавшие наудачу пытаются решить проблему с постоем. Другой способ вписаться в неформальный курортный рынок, который существует в виде сетей знакомых, — заранее приехать «на разведку». Однако и эти временные и материальные издержки можно исключить с помощью трансграничных социальных сетей: например, найти в Адлере людей, ведущих картотеку гагринских «курортных» адресов. Вопрос о том, как формируются и поддерживаются такие сети, достоин отдельного исследования.

ВТОРАЯ ВОЛНА: МАНДАРИНОВЫЙ РАЙ

Мы приехали на границу в межсезонье. Конец октября — начало ноября — время затишья перед «бурей», канун «золотой» или «желтой лихорадки». Так местные жители называют период созревания и интенсивных перевозок на продажу в Россию различных фруктов и цитрусовых, преимущественно мандаринов. Приехав на излете курортного сезона, мы, к сожалению, не застали и «лихорадочного»¹². Представить то, что происходит на границе в этот период, мы могли лишь с известной степенью приближения.

Образ границы, который возник у меня практически с первого взгляда, — «конвейер» или «рабочее пространство». Прежде всего таковым его воспринимают жители Веселого, Леселизде и Гагры, ежедневно отправляющиеся торговать на Казачий рынок или перевозить грузы через мост. Вышеупомянутая тачкистка Катя уже около двух лет работает в паре с мужем. Других перспектив для трудоустройства она себе не представляет: «Если границы не будет, нам будет не на что

11 Вспоминается пара примеров, демонстрирующих, как повседневный дискурс о войне влетает в отношения «абхаз — отдыхающий». На центральном рынке в Сухуме, увидев у нас фотоаппарат, один из местных жителей предложил запечатлеть его друга как «знаменитого героя войны, у которого много орденов». «Герой» при этом принял, видимо, уже ставшую привычной для него горделивую позу. В тот же день в Гагре меня приглашал на ужин участник (абхазской) Отечественной войны, один из владельцев апацхи (кафе) «Абхазский двор», что на центральной улице Абазгаа. «Десертом» к ужину также обещали быть «рассказы абхазского ветерана».

12 О наступлении «золотой лихорадки» жители российского приграничья и Гагры говорили как о приближении неизбежного стихийного бедствия: с активной мимикой, жестикуляцией и многозначительными вздохами, мол, «ваше счастье, что вы этого не застанете».

жить». Стаж самой Кати в несколько раз превышает мужнин, ибо она начала работать, как только граница была открыта для женщин. Маршрутка «ТЦ “Континент” — р. Псоу», курсирующая между центром Гагры и границей, напоминает пригородную электричку, везущую пассажиров на работу в бизнес-центр. Предъявление паспорта без визы (на абхазской стороне можно избежать и этой процедуры, иногда пограничная будка там просто закрыта) сродни предоставлению удостоверения на проходной; а если бы не государственные символы, компьютеры, магазин duty-free и допросы ФСБ, можно было бы забыть, что находишься на границе. Люди с тачками — главные герои приграничного пространства. Они работают на границу, граница работает на них. Пространство сегрегировано с учетом постоянных (грузчиков, тачкистов, продавцов мандаринов и хурмы и прочих) и случайных или транзитных посетителей границы. Например, проходя в очередной раз двухкилометровый пешеходный переход и оказавшись рядом с «санитарной зоной», я услышала: «Девушка, Вам сюда. Проходите, не мешайте». Меня направили по другому коридору. Граница уже не работала в «туристическом режиме», наплыв отдыхающих сменяли растущие очереди людей с тачками, нагруженными этажами ящиков с фруктами — в Россию, а продуктовым и промтоварным оптом — в Абхазию¹³.

Работа на приграничной территории — это не просто работа, а работа физически тяжелая, и пространственное устройство границы лишь усугубляет ее тяжесть. Шокировавшие нас поначалу сцены: например, старушка и юная девушка, толкающие в гору тачку, груженную рулонами линолеума, — вполне объяснимы и привычны, учитывая историю открытия границы. Протяженность пограничного перехода составляет два километра, участки дороги от КПП к мосту представляют собой достаточно крутые подъемы и спуски, и для человека, привозящего сюда урожай, оказываются труднопреодолимыми. Как и для отдыхающих, пересечение границы становится испытанием для торговцев цитрусовыми, которые нагружают тяжелые «многоэтажные» тачки, часами под дождем стоят в очереди в санитарной зоне, платят таможене процент с каждого килограмма и тому подобное.

На границе, открытой после войны, постоянно велась экономическая деятельность, в связи с чем облик приграничья постоянно менялся и продолжает изменяться. Например, несколько лет назад проход через границу был разделен на автомобильный и пешеходный, и, как говорят местные жители, «сейчас все намного цивилизнее». Оживленные разговоры о постройке консервного завода на территории Абхазии, размещении у границы фур для приема фруктов свидетельствуют о потенциальной возможности формализации рынка и укрупнения цитрусового бизнеса. Учитывая процесс постепенного «оцивилизовывания» и вынесения, насколько это возможно, стихийных цитрусовых бумов за скобки

13 На городском рынке в Гагре нам встретилась местная жительница, которая регулярно мелким оптом возит из Адлера медикаменты первой необходимости и торгует ими безо всякой лицензии. Эта частная инициатива позволяет людям, живущим в отдалении от единственной в городе аптеки, получить удобный доступ к лекарствам.

пограничной деятельности, можно предположить, что в дальнейшем граница будет превращаться из преимущественно торговой в туристическую, соответственно, вокруг нее будут формироваться другие субкультуры. Кроме того, абхазские пограничные поселения, так или иначе имеющие доход от близости к границе, постепенно превращаются из опасных и маргинальных в престижные и зажиточные, тогда как раньше, по словам гагринцев, «у границы жил всякий сброд». Глядя на разбитые дома в Леселизде, с этим пока трудно согласиться, если только речь идет не о возможных перспективах пространственно-экономической сегрегации в приграничье.

ТРЕТЬЯ ВОЛНА: МИМОЗА ИЗ АБХАЗИИ

Сезонность российско-абхазской границы удивительным образом синхронизируется с цикличностью жизни в городах европейской части России, связанной в том числе с праздниками. Приближается Новый год, и абхазские мандарины, хоть и перестали быть деликатесом, но все еще придают своим ароматом ностальгическую «советскую» нотку новогоднему пиршеству.

Еще неделю назад мандаринов с «берега свободы» не было на питерских прилавках, сейчас они появились и стоят на четверть дешевле марокканских. Когда я поинтересовалась у одной из продавщиц, бывают ли в продаже «наши» мандарины, она ответила, что скоро будут абхазские. «Их что, оттуда привозят?» — «Удивилась» я. «Что же, по-Вашему, если у них была война и границу закрыли, у них теперь и мандарины не растут?». Жизнь «мандариновой республики» неподвластна геополитическим трансформациям.

Другой праздник, который на этот раз, несомненно, напечтает мне об Абхазии, — Женский день. Временное затишье, которое наступит после Нового года, сменится в начале весны новой волной ажиотажа — гагринцы (и не только) повежут через границу мимозу. На первый взгляд, деньги, заработанные на мимозе, фактически сделаны из воздуха: это дерево никто специально не выращивает. Однако в отличие от мандаринового бизнеса, имеющего промышленно-заготовительные масштабы, мимозовый можно сравнить с тонкой ручной работой. Продавцы мимозы предпочитают не перепродавать урожай, а отправляться с ним в далекие путешествия в российские города, преимущественно столицы. В выигрыше оказываются те цветочники, которые владеют сакральным знанием о том, как довести товар до потребителя. Правильная транспортировка в поезде и оберегание цветов от перепада температур дают возможность сохранить их товарный вид и продавать «настоящую» мимозу. Цена такой веточки взлетает в несколько раз. Оказывается, «настоящая» мимоза даже пахнет.

Неформальное годовое «расписание» работы российско-абхазской границы позволяет оспорить ее кажущуюся условность. Описанные здесь — весьма приблизительно — временные торгово-экономические и туристическая кампании высвечивают ее как «реальную», ощутимую, мучительную, опасную, дорогостоя-

щую, притягательную и непредсказуемую. Желая ответить на вопрос о том, что в жизни людей, живущих в приграничье, связано с границей, стоит учитывать не только повседневную, но и сезонную динамику трансграничных практик, ежегодно захлестывающих своими волнами «берег свободы». Проницаемость границы в эти периоды становится как никогда выгодной обеим сторонам, получающим экономические преимущества от разницы в ресурсах и символические — от наличия «других» пространств, социальных групп и культурных представлений по ту сторону.

БИБЛИОГРАФИЯ

Лылов, Д. 2005. *Справочник по Абхазии*.